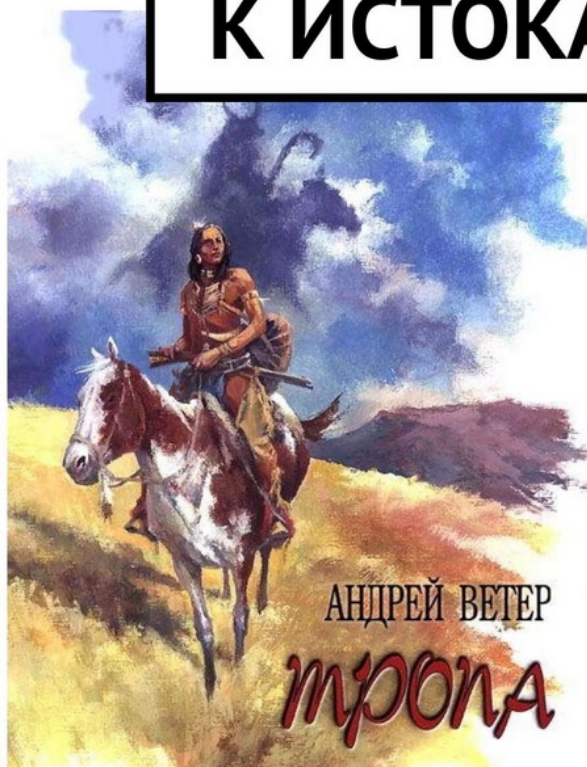

НИКОЛАЙ ЖУКОВСКИЙ

ТРОПА, ВЕДУЩАЯ К ИСТОКАМ

АНДРЕЙ ВЕТЕР

тропа

Николай Жуковский

Тропа, ведущая к истокам

Шрифты предоставлены компанией «ПараТайп»

© Николай Жуковский, 2026

12+

Оглавление

Тропа, ведущая к истокам

Николай Жуковский Тропа, ведущая к истокам

Заключение

Николай Жуковский

Тропа, ведущая к истокам

Книга **Андрея Ветра** «Тропа» — это не просто исторический роман. Это монументальное, почти эпическое полотно, сотканное из пыли прерий, запаха полыни, крови и священного дыма трубки мира. Автор проделал колоссальную работу, подарив читателю уникальную возможность прожить целую жизнь бок о бок с человеком из народа Лакота, увидеть эпоху «Дикого Запада» не глазами ковбоя или солдата, а изнутри исчезающего мира индейской цивилизации.

Роман имеет сложную, многослойную структуру. Это история, рассказанная старым шаманом по имени Мато Уитко (Безумный Медведь) белому репортёру в начале XX века. Через воспоминания героя мы переносимся в 30-е годы XIX века — время, когда Великие Равнины ещё принадлежали индейцам, бизоны ходили бесчисленными стадами, а жизнь человека определялась его воинскими подвигами и связью с духами.

Сюжет охватывает почти семь десятилетий. Мы видим, как главный герой проходит путь от мальчика, мечтающего о громком имени, до легендарного воина, добывающего скальпы и ворующего лошадей, а затем — до мудреца, отказывающегося от военной тропы и пытающегося уберечь свой народ от гибели. Параллельно развивается линия белого траппера Рэндала Скотта, чья судьба оказывается мистически переплетена с судьбой Медведя. Их встреча — это не случайность, а воля Великой Тайны, о которой так много говорят индейцы.

Читателя ждёт не только военная экзотика (схватки с Вороньим племенем, кража лошадей, пляска Солнца), но и глубоко личная драма: любовь к похищенной женщине, трагическая гибель дочери, роковое непонимание с приёмным сыном и, наконец, осознание того, что старый мир рушится под напором «бледнолицых».

Главное достоинство книги — образ Мато Уитко. Это не лубочный благородный дикарь, а живой человек со всеми противоречиями.

В молодости он жесток и тщеславен: снимает скальпы, убивает врагов и даже не задумывается о цене жизни, пока случайно не зарубает женщину с ребёнком. Его эволюция показана достоверно и тяжело. Это путь через кровь к мудрости, путь от «военной тропы» к «тропе сердца».

Особую глубину роману придаёт наставник Медведя – Красный Лось. Его проповеди о том, что пролитие крови оскверняет душу, что истинная сила не в убийстве, а в гармонии с *Вакан-Танкой* (Великим Духом), становятся философским стержнем книги. Диалоги с Красным Лосем – одни из самых сильных мест романа, они заставляют читателя задуматься о природе войны и мира.

Удачна и линия Рэндала Скотта. Через его дневниковые записи мы видим мир трапперов, Рандеву и золотой лихорадки. Его путь от шулера до человека, нашедшего покой в прерии, зеркально отражает путь Медведя, подчёркивая мысль автора о том, что перед лицом жизни и смерти все люди равны.

Андрей Ветер создал удивительный по своей силе текст. Язык романа – сухой, точный, лишённый излишней сентиментальности, но при этом невероятно пластичный. Автору удается передать ритм индейской речи, её образность и глубину, не скатываясь в пафос. Описания природы, быта, обрядов (церемония Инипи, Пляска Солнца, охота на бизонов) выписаны с этнографической дотошностью, но при этом они никогда не выглядят скучным справочным материалом. За каждым ритуалом стоит живая вера, боль или радость. Стиль повествования меняется в зависимости от источника: речи Мато Уитко полны метафор и философских отступлений, дневник Рэндала Скотта – более прагматичен и циничен, что создаёт объёмную картину эпохи.

«Тропа» – это не только историческая хроника, но и глубокая рефлексия о судьбе цивилизации. Книга ставит перед читателем вечные вопросы:

– **Что есть подвиг?** Убийство врага или умение отказаться от мести ради будущего?

– **Природа зла.** В чём вина индейцев, которые «отступили от законов Дающего Жизнь, пролили слишком много чужой крови»?

– **Столкновение миров.** Автор не идеализирует индейцев, но и не демонизирует белых. Он показывает трагедию несовместимости

двух мировоззрений: мира, где человек — часть природы, и мира, где человек — «хозяин земли».

Особенно сильно звучит финальная часть романа. Трагедия на ручье Раненое Колено, Пляска Духов, попытки стариков сохранить обряды в резервациях — всё это показано не просто как конец эпохи, но как мучительный переход, где главным героем становится не воин с топором, а дух народа, отказывающийся умирать. Эпилог, доводящий историю до событий 70-х годов XX века и движения за права индейцев, придаёт повествованию эпическую завершённость.

Пожалуй, единственное, что может отпугнуть современного читателя, — это неспешный темп повествования, свойственный скорее классической литературе XIX века. Роман требует вдумчивого чтения. Обилие индейских имён и названий может поначалу дезориентировать, но быстро погружаешься в эту атмосферу.

«Тропа» Андрея Ветра — это настоящая литературная находка для тех, кто устал от клишированных вестернов. Это честная, жестокая и прекрасная книга о том, как человек ищет своё место между небом и землей, между войной и миром, между прошлым и будущим. Автору удалось главное: он не просто рассказал историю одного индейца, он дал голос целому народу, показав, что даже после физического уничтожения «Тропа» остаётся.

Это книга-исповедь, книга-память, которую стоит прочесть каждому, кто хочет понять, что значит быть свободным.

«Вся наша жизнь есть песня»

Андрей Ветер в романе «ТРОПА» совершает смелый литературный эксперимент, который редко удаётся писателям, работающим с «индейской» темой. Он не просто пишет исторический роман о войне Сиу против американской армии и не создаёт очередную экзотическую сагу о благородных дикарях. Перед нами — **текст-исповедь**, текст-документ, где голос самого народа звучит настолько аутентично, что стирается грань между художественным вымыслом и мемуарной прозой.

Композиция романа нелинейна и полифонична. Ветер использует технику «рамочного повествования»: в 1917 году журналист приезжает в резервацию Сосновый Утёс. Там он встречается столетнего старика. *«Я ждал этой встречи... Во сне ко мне приходили Громовые Существа. Они сказали, что здесь появится белый человек, которому я должен буду рассказать о моей жизни».*

Так история обретает двойную оптику: взгляд извне (репортёр, белый человек) и поток сознания изнутри (рассказ Мато Уитко). Более того, автор вводит ещё один голос — дневник Рэндала Скотта, траппера-шулера, чьи записи выполняют роль хронометра и «трезвого взгляда», контрастирующего с поэтичностью индейских глав.

Первая часть романа — это подробнейшая этнографическая зарисовка становления мужчины племени Оглала. Ключевой сценой, задающей тон всей «военной» линии судьбы героя, является эпизод убийства медведя под руководством Медвежьего Быка, духа-покровителя. Здесь Ветер фиксирует важнейший код культуры: имя нужно заслужить кровью и ритуалом: «Мальчик левой рукой (поскольку она ближе к сердцу) зачерпнул медвежьей крови и обмазал ею свою грудь... Череп медведя оставь на муравейнике... Это будет место, где Медвежий Народ сможет давать тебе советы».

Юный герой стремительно проходит путь от Мальчика-Со-Звонким-Голосом до воина, для которого война становится игрой в подвиги (ку). Особенно впечатляет сцена кражи лошадей, где автор с натуралистичной точностью описывает не только тактику рейда, но и жестокость, ставшую нормой: «Он спрыгнул с коня и склонился над распластанным телом... вцепившись в затылок Псалока, он приподнял его голову и полоснул ножом... срезал всю кожу с головы того Псалока — от бровей до шеи».

Однако именно здесь начинается главная драма героя. В отличие от множества индейских эпоей, Ветер показывает не только подвиги, но и момент нравственного надлома, когда война перестаёт быть игрой. Случайное убийство женщины с ребёнком становится той точкой невозврата, о которой Мато Уитко говорит с горечью: «Я потерял интерес к таким подвигам. В них не было мужества... Если мне приходилось лишать кого-либо жизни, то лишь в бою».

Кульминацией духовной эволюции героя становится встреча с умирающим мудрецом Красным Лосем. Этот эпизод — философское сердце романа. В диалогах с ним Безумный Медведь с ужасом осознаёт, что его жизнь, полная «прикосновений» к врагу, была жизнью не воина, но разрушителя.

Красный Лось переворачивает мировоззрение героя, объясняя природу *Ни* (жизненной силы): «В крови пребывает начало бессмертной жизни... Вот почему любое истечение крови поражает Ни... Ты уничтожаешь часть Великой Тайны. Убивая, ты порождаешь силу уничтожения... Против каждой силы всегда находится точно такая же сила».

Этот момент — переломный. Автор подводит героя, да и читателя, к парадоксальному выводу: **настоящая «военная тропа» для мужчины — это тропа отказа от насилия.** Именно здесь Мато Уитко обретает своё имя «Безумный», потому что для соплеменников, живущих законами мести, отказ от скальпов был актом безумия.

Ветер виртуозно показывает, как рушится сакральный мир индейцев при столкновении с технологиями белого человека. В главе «Водяной Дух» индейцы впервые видят пароход: «Из-за далёкого поворота реки... двигался дым... Унктехи! Водяной Дух!... нечто громадное с двумя высокими прямыми чёрными трубами, из которых валил густой дым».

Это описание интересно тем, что автор сохраняет индейскую оптику: пароход воспринимается не как транспорт, а как мифическое чудовище. Так же символично и золото. Для Рэндала Скотта, чей дневник пронизан алчностью, золото становится наваждением, а для индейцев — проклятием, оскверняющим священные земли.

Кульминацией личной трагедии становится сцена убийства сыном отца. Дик Лунный Свет, не узнав постаревшего Рэндала Скотта, сносит ему голову палицей и приносит трофей в лагерь. Узнавание происходит через тетрадь дневника: «Безумный Медведь наклонился и взял в руки толстую пачку бумаг... Эта вещь принадлежит Ичи-Мавани, твоему настоящему отцу... Это голова Ичи-Мавани... Ты не узнал его».

В этот момент Ветер достигает высшей точки трагизма: война, начавшаяся как игра в подвиги, пожирает собственных детей, перекаивая законы родства по законам ненависти.

В отличие от многих авторов, заканчивающих индейские романы поражением при Литтл-Бигхорн, Ветер доводит повествование до самого страшного — резни на ручье Раненое Колено (1890) и последующей эпохи запретов.

Он не скрывает горечи поражения, но находит утешение в метафизике. Сцена видения Безумного Медведя в день резни, где он «видит» гибель людей, пока те погибают в буране, становится мостом между миром живых и миром предков.

Финал романа удивителен. Вместо элегии по ушедшему миру автор показывает возрождение традиций — пусть тайное, пусть в условиях резервации, но возрождение. Церемония посвящения нового Лунного Света, где старики тайно проводят обряд прокалывания плоти, символизирует, что «Тропа» не прервалась: «Я слышал, что раньше воин приходил к знающему человеку... — Ты говоришь об истязаниях Пляски Солнца? ... Ты молод для Пляски Солнца... — Дедушка, ты же сам сказал, что времена поменялись».

Используя эту деталь, Андрей Ветер показывает мутацию традиции, её способность выживать даже под запретом. А приложение, описывающее события Вундед-Ни (Раненого Колена) и активистов AIM (Движения американских индейцев) 1970-х годов, превращает роман из исторической хроники в манифест непрерывности культуры.

«Тропа» — это не развлекательное чтение. Это тяжёлая, вязкая и глубокая проза, требующая от читателя вдумчивости. Андрей Ветер создал не просто образ индейского воина, но архетип *Homo Spiritualis*, человека, для которого любой бытовой или военный акт является прежде всего актом метафизическим.

Книга оставляет двойственное чувство: горечь от осознания масштаба утраты и странную надежду, заключённую в финальных строчках приложения, где говорится о борьбе за «право иметь свое собственное лицо». «Тропа» — это голос, записанный на бумагу, чтобы не быть забытым. Как говорит сам Мато Уитко:

«Сказанное слово не должно упасть на землю и превратиться в прах. Оно рождается для дела, взлетает птицей и парит над нами вечно».

Танец Солнца в романе «Тропа»: жертвоприношение как обретение себя

В романе Андрея Ветра «Тропа» церемония Уиваньяг Вачипи (Танец Солнца) занимает особое, сакральное место. Это не просто этнографическая деталь или экзотический ритуал — это духовный стержень повествования, через который раскрывается эволюция главного героя и передается глубинное мировоззрение Лакотов. Автор показывает три ключевых эпизода этого обряда, каждый из которых соответствует определённому этапу жизни Безумного Медведя.

1. Танец Солнца в зрелом возрасте: первое жертвоприношение

Первый раз Мато Уитко проходит через церемонию, когда он уже сложившийся воин, муж, отец. Этот эпизод — один из самых сильных в романе. Ветер описывает обряд с этнографической точностью, но наполняет её внутренним напряжением.

Церемония проводится в священном типи — особом сооружении, отличающемся от обычного жилища: «Это типи не было конусообразным, как обычные жилища. Стены его стояли вертикально, а крыша сходилась конусом. Этот шатёр покрывался не шкурами, как обычная палатка, а ветвями, листьями и травой».

Центральный шест, вокруг которого происходит действие, символизирует ось мироздания: «С того крепкого шеста (это был ствол специально выбранного стройного дерева) свисали длинные кожаные ремни, символизировавшие лучи солнца. Этот шест изображал в нашей церемонии ось мироздания, вокруг которой бежала жизнь».

Подготовка к танцу требует от участника полного очищения. Горный Палец, старый наставник, протыкает кожу на груди Медведя остро заточенными костяшками:

«Горный Палец оттянул мне двумя пальцами кожу на левой груди, затем на правой и проткнул её остро заточенными костяшками. Сразу побежала кровь. В проколотые места старик продел мне крепкие палочки, очищенные от коры, и на их кончиках закрепил петли ремней, свисавших с шеста».

Но самое важное в этом эпизоде — не описание боли, а то, что происходит после того, как тело отказывается терпеть. Андрей Ветер показывает мистическое откровение, посещающее Медведя. Это одна из ключевых сцен романа, где голос Великой Тайны звучит напрямую:

«Внезапно что-то огромное надавило на меня изнутри, и я увидел, как все собравшиеся в священном шатре люди стали удаляться — я взмыл над землёй... Я осознал, что был солнечными лучами в тот момент. Я был голосом, который струился с небес».

И далее следует откровение, переворачивающее представление героя о войне и подвиге: «Ты есть часть Земли... Ты есть часть Неба... Раздай своё тело по частям, накорми им тех, кто голоден, кому нужно тепло, кому не хватает силы. Через тебя льётся Великая Сила Бесконечности, так будь щедр и одари ею других».

После этой церемонии Медведь обретает новую священную песню, которую потом поют другие. Сам же он говорит жене: «Я слышал голос Того-Кто-Вдыхает-В-Нас-Жизнь».

2. Танец Солнца на склоне лет: последнее свидетельство

Второй эпизод происходит в конце жизни героя, когда он уже глубокий старик, живущий в резервации, где обряд строжайше запрещён правительством. Этот фрагмент — один из самых пронзительных в романе. Ветер показывает, как традиция уходит в подполье, но не умирает.

Безумный Медведь собирает лишь шестерых: трёх стариков и трёх мальчиков. Место для церемонии выбирается в глуши, вдали от глаз агентов:

«Безумный Медведь повёл нас к удалённому месту, где вокруг старого тополя лежали по кругу человеческие черепа... На верхних ветвях тополя висели мешочки из кожи и четыре бизоньих черепа».

Здесь автор подчеркивает древность места — возможно, здесь совершали обряды задолго до рождения ныне живущих. Церемония проводится тайно, но от этого не теряет своей силы.

Особенно трогательно описание физической немощи старика, готового принести себя в жертву:

«Мои руки с трудом проткнули кожу на груди Безумного Медведя возле старых шрамов. Его кожа была сухая и жёсткая. Вонзив заострённые палочки в старческую плоть, я сначала подумал, что кровь никогда не польётся, так долго её не было».

И вновь, как и в молодости, Медведь танцует, глядя на солнце, но теперь это не поиск славы, а последняя молитва за народ. Его речь

во время церемонии — это уже не личная просьба о силе, а завещание детям, обращение к Творцу о будущем племени:

«Отец наш, наш народ виноват, так как забыл о Твоей Тропе и сбил с пути. Но сегодня мы привели детей, чтобы они внимательнее взглянули на Светило и убедились, что воля Твоя передвигает Небесный Огонь, согревающий всё живое на Матери-Земле».

После церемонии Медведь теряет сознание и находится без памяти всю ночь. Его едва удастся вернуть к жизни, но утром он поднимается и произносит: «Нужно ехать к людям». Жертва принесена, долг исполнен.

3. Истязание Лунного Света: новая форма старого обряда

Третий эпизод, связанный с самоистязанием, — это церемония, которую проходит приёмный сын Медведя, получивший имя погибшего Дика Лунного Света. Здесь Ветер показывает, как традиция трансформируется, подстраиваясь под новые условия, но сохраняет свою суть.

Мальчик получает видение во время поста, и это видение отличается от традиционной Пляски Солнца:

«Я думаю, что видел истязание, через которое мне надо пройти. Но это не обычная Пляска Солнца. Я видел человека, который не танцевал, а просто висел на ремнях... Два ремня продеты сквозь грудные мышцы, два ремня — сквозь плечи... И кто-то раскачивал его».

Этот эпизод важен тем, что показывает: видение может диктовать новые формы ритуала. Традиция не застывает, она живет и дышит, обновляясь через откровения, приходящие к новым поколениям.

Медведь поддерживает юношу, хотя понимает, что это риск:

«Белые начальники хотят, чтобы наша религия умерла, поэтому сажают в тюрьму каждого, кто готовится к Пляске Солнца. Я уже стар, мне нечего бояться наказаний».

Сам обряд проходит в лесу, вдали от резервации. Мальчик висит два дня, пока кожа не лопается. После этого он говорит: «Теперь я стал истинным Лакотом».

4. Символика и смысл Танца Солнца в романе

Ветер наделяет Танец Солнца несколькими смысловыми слоями,

которые раскрываются по мере развития сюжета.

Жертва ради народа. Первоначально церемония имела искупительный смысл. Медведь объясняет это так:

«Мы собирались страдать для того, чтобы искупить свою вину перед всеми, кого когда-либо обидели, ранили или убили».

Но в романе этот смысл расширяется. В финальной церемонии Медведь приносит себя в жертву уже не за свои личные грехи, а за весь народ, сбившийся с «Тропы».

Обретение силы через страдание. Для Лакотов способность терпеть боль была высшим проявлением мужества. Не случайно Медведь, вспоминая о Пляске Солнца, говорит:

«Мы все были приучены к боли, иначе не могли бы воевать».

Общение с Великой Тайной. Во время церемонии, в состоянии измененного сознания, танцор становится проводником между мирами. Именно в таком состоянии Медведь слышит голос:

«Ты есть капля Воды, которую ты пьёшь. Ороси собою Землю, напои собою людей».

Преемственность поколений. Во втором и третьем эпизодах Ветер подчеркивает, что главная цель церемонии – передача знания. Старики приходят не ради себя, а ради детей, которые должны увидеть и запомнить:

«Нам нужны гонцы, которые отправятся в будущее».

5. Исторический контекст: запрет и возрождение

В приложении к роману Ветер выводит тему Танца Солнца за пределы художественного текста, показывая его реальную историческую судьбу. С 1881 года правительство США запретило индейцам проводить эту церемонию в каком-либо виде. Однако, как пишет автор, запрет не убил традицию:

«Танец Солнца устраивался в Сосновом Утёсе ежегодно и, конечно, с прокалыванием тела. Но церемонии проходили тайно, в удалённых местах, и людей там собиралось мало».

В 1952 году индейцам официально разрешили возобновить церемонию, но с ограничениями. Шаман по имени Обманувший Ворону вспоминает: «Меня вызвали в контору агентства и сказали, что мне

разрешат проводить Танец Солнца с прокалыванием на территории резервации... Я согласился. И в 1952 году я получил документ, разрешавший мне протыкать людей во время церемонии».

Этот исторический экскурс превращает роман из реконструкции прошлого в свидетельство непрерывности культуры. Танец Солнца, который в XIX веке был запрещен, в XX веке возродился, и сегодня он вновь стал важнейшей церемонией для многих равнинных племён.

Заключение

В романе «Тропа» Танец Солнца предстает не как архаичный, уходящий в прошлое обряд, а как живая, пульсирующая традиция, способная адаптироваться и выживать. Для Безумного Медведя это путь к мудрости, для его приемного сына — инициация и обретение силы, для стариков — последний долг перед уходящим миром.

Ветер показывает, что истинный смысл церемонии не в самоистязании как таковом, а в способности человека выйти за пределы своего «я», принести себя в жертву ради других и через это страдание обрести единство со всем мирозданием. Как говорит сам Медведь:

«Я пожертвовал мою плоть для того, чтобы искупить вину многих людей, чтобы дать им возможность спокойно идти по Священной Тропе Жизни».